

«РАВНОДУШИЕ КАЗАЛОСЬ НАМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ»

К 75-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВА

ТРИЖДЫ Евгений Петров возникает в литературе в своем еще дописательском бытии: в повестях Валентина Катаева «Волшебный рог Оберона» и «Хуторок в степи» в лице мальчика Павлика и в повести Александра Козачинского «Зеленый фургон» в образе начальника уголовного розыска Володи Патрикеева.

Конечно, не одни живописные подробности его биографии — в течение трех лет Евгений Петров был инспектором уголовного розыска по борьбе с бандитизмом — делали его порой не только автором, но и героем романтических повестей, но и постоянно владевшая им бурная энергия к совершению добрых дел, притом сейчас же, немедленно, не отходя, так сказать, от места происшествия. Он был охвачен святым нетерпением, и чувство безразличия было ему абсолютно незнакомо. Всегда он был воодушевлен, всегда раскрит навстречу действию, и это, несомненно, было счастливым дополнением к сдержанному и, скорее, замкнутому Ильфу. Впрочем, иногда и физически хрупкий Ильф изменял своей холодноватой собранно-

сти и взрывался гражданским негодованием. Притом в составе темперамента Ильфа была та горчинка, которая отсутствовала в даровании Петрова, щедром, но более «голубом», чем терпкий талант Ильфа. Но доброта Петрова имела свою изнанку: безжалостность к любому проявлению зла, хамства, эгоизма, лжи. «За письменным столом мы забывали о жалости», — вспоминал Петров.

В воспоминаниях Петрова есть одно характерное признание. Он говорит о себе и об Ильфе:

«Мы с удовольствием сделали бы хозяйственниками. Равнодушие во всех его проявлениях казалось нам самым страшным преступлением».

Петрова волновала неустроенность не только в материальном мире, но и в судьбах людей, в их душевном строе. Поразительная история благотворного вмешательства Петрова во внутреннюю жизнь одного молодого человека ведет свое начало еще со времен его милицейской службы. Из бандитского мира Петров вырвал юношу, заинтересовавшего его своей незаурядной личностью, своей ему найти себя, открыл в нем литературное дарование. Петров вытравил из его первых опытов шаблонность, претенциозность, безвкусицу. Он отсекал это, как в античном мифе Пигмалион отсекал лишние куски от бесформенной глыбы, высвобождая таившиеся в ней красоту и истину. И юноша вырос в талантливого писателя, к сожалению, рано умершего. Я говорю об Александре Козачинском.

Трудно, конечно, вспоминать о Евгении Петрове в отрыве от Ильи Ильфа, хотя по своим характеристическим особенностям — при целом ряде счастливых душевных совпадений — они разительно отличались друг от друга даже и по своему творческому профилю. И только упорная работа и, конечно, взаимное душевное расположение привели к тому, что талант Евгения Петрова, уравновешенный, дисциплинированный, идеально состыковался с острой, но разбегающейся фантазией Ильфа. Совершенный пример этой гармонии — их

замечательная «Одноэтажная Америка», чрезвычайно — по слову Алексея Толстого — зрелая художественно. В книге этой двадцать глав написаны одним Петровым, двадцать — одним Ильфом и только семь — совместно. Но невозможно отличить перо Петрова от пера Ильфа — до того органичен был этот симбиоз.

Слова Евгения Петрова об Илье Ильфе «он был принципиален до щепетильности» надо отнести и к самому Петрову, так же как несомненно типичны для Петрова и следующие запечатленные им черты образа Ильфа:

«...всегда откровенно говорил то, что думает, никогда не хвастал, глубоко и свирепо ненавидел все виды искательства и подхалимства (и особенно самую противную его разновидность — литературное подхалимство). Он прекрасно знал цену дурой славы и боялся ее».

Не таков ли и сам Петров? Прекрасные слова эти были написаны им в 1942 году, незадолго до его гибели.

Мне не случилось встретиться с Евгением Петровым на войне, нас раскидало по разным фронтам. Я знаю по многим отзывам товарищей, что в боевой обстановке Петров сохранял свои обычные — а их назвал бы коренные — черты: бесстрашие и любознательность.

Война отняла у нас Петрова, когда он не достиг сорока лет. Он погиб 2 июля 1942 года, возвращаясь из осажденного Севастополя.

В последнем его очерке о защитниках героического города есть строка, которая мне кажется символической для облика Евгения Петрова:

«Когда моряков-черноморцев спрашивают, может ли удержаться Севастополь, они хмуро отвечают:

— Ничего, держимся.
И Евгений Петров прибавляет:

«Здесь слов на ветер не кидают...»

Слова эти можно поставить как эпиграф ко всей литературной работе Евгения Петрова, пламенной и целомудренной.

Лев СЛАВИН

Ильин. чертёж, 1948, 6 стр.